

Лунный камень

По легенде, желтый алмаз, украшавший статую индийского бога, проклят. Каждый, кто завладеет им, погибнет. Стражи камня следуют за ним по всему миру и карают святотатцев...

Английский полковник, укравший камень, завещает его племяннице. Так очаровательная Рейчел становится владелицей лунного камня. Она не верит в проклятье, но настораживается, заметив рядом с домом подозрительных бродяг-индусов. Утром, после праздника в честь своего совершеннолетия, Рейчел обнаруживает, что алмаз исчез!

Лучший детектив Англии Ричард Кафф принимается за дело! Под подозрением оказываются все, кто был в усадьбе. На кого падет месть индийских жрецов?

Уилки Коллинз

ЛУННЫЙ
КАМЕНЬ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Уилки Коллинз

Лунный камень

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

ISBN 978-966-14-9538-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Безцінний жовтий алмаз колись прикрашав чоло індійського божества. За легендою, Вішну наклав на нього прокляття: на того, до кого він потрапить у руки, чекають незліченні нещастя... Юна Рейчел Вериндер отримала його на день народження, напередодні свого весілля із Франкліном Блейком, а вранці після свята розкішний подарунок зник. Під підозрою — наречений дівчини... Блейк воліє будь-що довести свою невинність і розкрити злочин — виявляється, на індійську святиню йде справжнє полювання!

Коллінз У.

К60 Лунный камень : роман / Уилки Коллинз ; пер. с англ. В. Михалюка. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. — 592 с.

ISBN 978-966-14-9117-4 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3232-2 (Россия)

Бесценный желтый алмаз когда-то украшал чело индийского божества. По преданию, Вишну наложил на него проклятие: того, к кому он попадет в руки, ждут бесчисленные несчастья... Юная Рейчел Вериндер получила его в день рождения, накануне своей свадьбы с Франклином Блейком, а наутро после праздника роскошный подарок исчез. Подозрение пало на жениха девушки... Блейк намерен во что бы то ни стало доказать свою невиновность и раскрыть преступление — оказывается, на индийскую святиню идет настоящая охота!

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

Переведено по изданию:

Collins W. The Moonstone : A Novel / Wilkie Collins

Перевод с английского *Виталия Михалюка*

Дизайнер обложки *Виталина Рыжова*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Олега Коржа*

Пролог

Штурм Серингапатама (1799)

Из семейного архива

I

Эти строки — написанные в Индии — я адресую своим родным в Англии.

Моя задача — объяснить причину, заставившую меня отказаться пожать руку моему кузену Джону Гернкастлу. Молчание по этому вопросу, которое я хранил до сих пор, было неправильно воспринято членами моей семьи, чьим добрым мнением я не могу пренебречь. Я прошу их повременить со своими выводами и сначала прочитать мой рассказ. И, слово чести, все, что я собираюсь написать, — святая, истинная правда.

Личные разногласия между моим кузенком и мною зародились во время великого события общественного масштаба, в которое мы оба были вовлечены, — я говорю о штурме Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Чтобы было вполне понятно, при каких обстоятельствах это произошло, я должен ненадолго вернуться в прошлое, до начала штурма, вспомнить о ходивших по нашему лагерю рассказах, связанных с сокровищами из драгоценных камней и золота, которые хранились во дворце Серингапатама.

II

Одна из самых невероятных историй связана с желтым алмазом, знаменитым камнем, упоминаемым в индийских летописях и сказаниях. Древнейшее из известных преданий гласит, что этот камень украшал чело индийского четырехрукого бога — воплощения Луны. Отчасти из-за его необычного окраса, отчасти благодаря поверью, приписывавшему ему способность испытывать влияние носившего его божества, то есть усиливать и уменьшать яркость сияния с ростом и убыванием луны, он получил название, которое известно в Индии по сей день, — Лунный камень. Сходное поверье, насколько мне известно, существовало в Древней Греции и античном Риме, однако относилось оно не к алмазу, используемому для служения божеству, а к полупрозрачному камню низшего разряда, который, как предполагалось, был восприимчив к лунному влиянию и также получил название от Луны, и под этим названием камень известен коллекционерам в наше время.

Приключения желтого алмаза начинаются в одиннадцатом столетии по христианскому летоисчислению.

В то время магометанский завоеватель Махмуд Газни пересек Индию, захватил священный город Сомнатх и разграбил знаменитый храм, одно из чудес Востока, веками привлекавший паломников.

Из всех богов, почитавшихся в этом храме, лишь бог Луны избежал жадных рук магометанских завоевателей. Три брамина спасли неоскверненное божество с желтым алмазом на челе: под покровом ночи они вынесли его и переправили в другой священный индийский город, Бенарес.

Здесь, в зале, украшенном драгоценными камнями, под крышей, покоящейся на золотых колоннах, лунный бог был установлен и вновь стал предметом поклонения. В ту же ночь Вишну-сохранитель явился во сне браминам.

Божественным дыханием он овеял алмаз на челе бога, и брамины пали ниц, закрыв лица робами. Вишну повелел им оберегать Лунный камень. Отныне трое жрецов должны были наблюдать за камнем по

очереди, днем и ночью, пока не исчезнет род человеческий. Брамины услышали и склонились перед его волей. Божество предрекло беду всякому бесцеремонному смертному, который прикоснется к священному камню, всему его дому и каждому, кто получит камень от него. И брамины начертали это пророчество золотыми буквами на воротах храма.

Шли столетия, век следовал за веком, но последователи трех браминов, поколение за поколением, продолжали охранять бесценный Лунный камень днем и ночью. Так продолжалось, пока не настало восемнадцатое столетие по христианскому летоисчислению. По воле Аурангзеба, правителя Империи Великих Моголов, храмы почитателей Браммы вновь подверглись грабежу и разорению. Святилище четырехрукого бога было осквернено умерщвлением жертвенных животных, лики божеств разбиты, а Лунный камень похищен одним из военачальников армии Аурангзеба.

Не имея возможности вернуть утраченную святыню силой, три жреца-хранителя последовали за ней тайно. Одни поколения сменялись другими; совершившего святотатство воина настигла ужасная смерть; Лунный камень, неся проклятие, переходил от одного незаконного владельца к другому, но преемники трех жрецов, несмотря на все случайности и перемены, продолжали наблюдение за ним, дожидаясь дня, когда воля Вишну-сохранителя вернет им священное сокровище. Время промчалось от первых до последних лет восемнадцатого века по христианскому летоисчислению. Алмаз попал во владение Типпу, султана Серингапатама, который повелел вделать его в рукоять кинжала и хранить среди самых драгоценных сокровищ своей оружейной палаты. Но даже там, во дворце султана, жрецы продолжали тайно следить за святыней. Среди придворных Типпу было три чужеземца, которые снискали доверие повелителя тем, что приняли (или сделали вид, что приняли) магометанскую веру. Считается, что это и были трое жрецов.

III

Такую захватывающую историю Лунного камня рассказывали в нашем лагере. Никто не принял ее всерьез, кроме моего кузена, чья любовь ко всему необычному заставила его поверить в ее истинность. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и других за то, что мы назвали эту историю сказкой. Последовал глупейший спор, и несчастный характер Гернкастла заставил его со свойственной ему хвастливостью пообещать, что мы увидим священный алмаз на его пальце, если английская армия захватит Серингапатам. Эта вспышка бахвальства была встречена взрывом хохота, на чем, как мы все тогда полагали, дело и закончилось.

Теперь я перенесу вас в день штурма. В самом начале мы с кузеном разделились. Я его не видел, когда мы переходили вброд реку, когда устанавливали английский флаг на первом проломе, когда пересекали ров и, сражаясь за каждый дюйм, входили в город. Лишь на закате, когда город стал наш и генерал Бэрд нашел под горой трупов мертвое тело Типпу, я снова встретился с Гернкастлом.

Нас обоих включили в отряд, собранный по распоряжению генерала для пресечения мародерства и беспорядков, начавшихся сразу после захвата нами города. Наши солдаты отвратительно бесчинствовали и, хуже того, нашли вход в дворцовую сокровищницу и разграбили золото и самоцветы. Во дворе сокровищницы мы с кузеном и встретились, чтобы восстановить дисциплину в рядах своих же солдат. Я отчетливо видел, что резня, через которую мы прошли, распалила огненный характер Гернкастла едва ли не до безумия, и считал, что он не подходит для выполнения порученного ему задания.

В сокровищнице царили смятение и разгул, но насилия я не увидел. Люди, если так можно выразиться, покрывали себя позором весело. Со всех сторон сыпались грубые шутки и остроты, и неожиданно связанная с алмазом история снова всплыла в виде озорного дурачества. «У кого Лунный камень?» — Этот насмешливый крик заставил грабеж, утихавший было в одном месте, вспыхнуть в другом.

Тщетно пытаясь восстановить порядок, я вдруг услышал на другом конце двора ужасающий вопль и тут же бросился туда, боясь, что там началась новая вспышка мародерства.

Я подбежал к открытой двери — перед ней лежали два мертвых индуса (по их одежде я понял, что это дворцовые офицеры).

На донесшийся изнутри крик я помчался в комнату, оказавшуюся оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, оседал на пол перед стоявшим ко мне спиной человеком. Как только я вошел, человек обернулся, и я увидел Джона Гернкастла с факелом в одной руке и кинжалом, с которого капала кровь, — в другой. Когда он повернулся, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул в сиянии факела, как искра. Лежавший у его ног умирающий индус указал на кинжал в руке Гернкастла и промолвил на своем языке: «Проклятие Лунного камня достигнет тебя и твоих потомков». Произнеся эти слова, он умер.

Не успел я вмешаться, как в комнату ввалились люди, которые побежали за мной через двор. Кузен ринулся на них, как безумец. «Убери их отсюда! — крикнул он мне. — Поставь часового у двери». Солдаты отпрянули, когда он кинулся на них с факелом и кинжалом. Дверь охранять я поставил двух воинов из своего отряда, на которых мог положиться, и всю остальную часть ночи кузена я не видел.

Грабеж продолжался до утра, когда генерал Бэрд под бой барабана объявил, что каждый солдат, уличенный в мародерстве, кем бы он ни был, будет повешен. Для подтверждения серьезности намерений генерала при оглашении решения присутствовал начальник военной полиции. В толпе, слушавшей приказ, я снова встретился с Гернкастлом.

Он как ни в чем не бывало протянул мне руку и сказал:

— Доброе утро.

Прежде чем пожать его руку, я спросил:

— Сначала скажи, как встретил смерть тот индус в оружейной палате и что означали его последние слова.

— Индус, я думаю, умер от смертельной раны, — ответил Гернкастл. — Что означали его последние слова, я знаю не больше твоего.

Я внимательно посмотрел на него. Безумство вчерашнего дня улеглось, и я решил дать ему возможность оправдаться.

— Это все, что ты можешь сказать? — спросил я.

Он ответил:

— Все.

Я отвернулся от него, и с тех пор мы больше не разговаривали.

IV

Хочу, чтобы было понятно: то, что я пишу о своем кузене (если, конечно, не возникнет какой-либо необходимости предать эти записи огласке), предназначено исключительно для уведомления нашей семьи. Гернкастл не сказал ничего, о чем я должен был бы сообщить нашему командиру. Над ним часто посмеиваются из-за алмаза те, кто не забыл его вспышку перед штурмом, но, очевидно, помня обстоятельства нашей встречи в оружейной палате, он им не отвечает. Поговаривают, что он хочет перевестись в другой полк, и я не сомневаюсь, он сделает это, чтобы отдалиться от меня.

Правда это или нет, я не могу быть его обвинителем, и на это есть серьезные причины. Если предам огласке это дело, у меня не будет никаких доказательств, кроме моральных. Я не только не могу доказать, что это он убил двух индусов у двери, но даже не могу назвать его виновным в убийстве третьего человека внутри, ибо я не видел собственными глазами, как он это делал. Да, я слышал слова умирающего индуса, но если слова эти были вызваны предсмертным бредом, как я смогу оспорить такое объяснение? Пусть наши родственники с обеих сторон составят свое мнение о том, что я изложил, и сами решат, насколько обоснованна неприязнь, которую я сейчас испытываю к этому человеку.

Хотя я не верю фантастической индийской легенде об этом драгоценном камне, прежде чем закончить, я должен признать, что у меня появились собственные суеверия на сей счет. Преступление само по себе обрекает преступника на кару — таково мое убеждение или заблуждение — не важно. Я не только не сомневаюсь в виновности Гернкастла, но и уверен, что он пожалеет о нем, если оставит у себя алмаз, и что другие пожалеют, что взяли его у него, если он решит расстаться с Лунным камнем.

Часть первая

Пропажа алмаза (1848)

События, рассказанные Габриелем Беттереджем, дворецким Джулии, леди Вериндер

Глава I

В первой части «Робинзона Крузо», на странице сто двадцать девять, вы найдете такие слова: «Теперь я понял, хоть и слишком поздно, что нельзя было начинать работу, не просчитав ее издержки и не оценив собственные силы». Вот только вчера я открыл «Робинзона Крузо» на этом самом месте. А уже сегодня утром (21 мая 1850 года) приехал племянник моей хозяйки, короткий разговор с которым я привожу дословно.

— Беттередж, — сказал мистер Франклин, — я встречался с адвокатом по семейным делам, и среди прочего мы поговорили об исчезновении индийского алмаза из дома тетушки два года назад. Мистер Брафф считает, и я с ним согласен, что в интересах истины эту историю нужно записать на бумагу, и чем раньше, тем лучше.

Пока еще не понимая, что ему нужно, и полагая, что ради мира и покоя лучше всегда быть на стороне адвоката, я заверил его, что тоже так думаю, и мистер Франклин продолжил:

— Несколько невинных людей уже, как вы знаете, попали под подозрение, — произнес он. — А из-за того, что на бумаге не зафиксированы факты, к которым, не исключено, захотят обратиться те, кто придет после нас, может пострадать память невинных. Нет, эту нашу странную семейную историю определенно нужно рассказать, и

мне кажется, Беттередж, мы с мистером Браффом придумали, как это сделать лучше всего.

Что ж, весьма похвально, но я до сих пор не понимал, какое это имеет отношение ко мне.

— Нам необходимо изложить определенные события, — продолжил мистер Франклин. — И есть заинтересованные люди, которые способны их изложить. Отсюда у нас появилась идея писать историю Лунного камня по очереди, каждый будет описывать только те события, в которых сам участвовал, не более. Начать мы должны с того, как алмаз впервые попал в руки моему дяде Гернкастлу, когда он служил в Индии пятьдесят лет назад. Это вступление у меня уже имеется в виде старого семейного документа, в котором все необходимые подробности описаны от лица непосредственного свидетеля. Далее нужно указать, как два года назад алмаз попал в Йоркшир к моей тете и как он исчез через двенадцать часов после этого. Никто лучше вас, Беттередж, не знает, что тогда происходило в доме. Так что берите перо и садитесь писать.

Так мне было сообщено, какое отношение имеет алмаз ко мне. Если вам любопытно узнать, как я поступил в этих обстоятельствах, спешу сообщить, что поступил я так, как, вероятно, вы поступили бы на моем месте. Я скромно заявил, что не гожусь для подобного задания, хотя в душе чувствовал, что легко с ним справлюсь, если дам себе волю. Мистер Франклин, вероятно, прочитал по моему лицу мои мысли. Он не поверил в мою скромность и настоял на том, чтобы я дал себе волю.

Два часа прошло после того, как мистер Франклин ушел. Как только он повернулся ко мне спиной, я направился к письменному столу, чтобы приступить к работе. Здесь я и сижу беспомощно с тех пор (несмотря на то что дал себе волю), убедившись в том, что понял, как упоминалось выше, Робинзона Крузо, а именно: не стоит браться за работу, не просчитав ее издержки и не оценив собственные силы. Пожалуйста, вспомните, что я открыл книгу именно на этом отрывке совершенно случайно за день до того, как столь опрометчиво взялся за дело, которым теперь занимаюсь, и позвольте спросить: это ли не предсказание?

Я не суеверен. В свое время я прочитал множество книг, меня даже можно назвать в некотором роде ученым. Мне семьдесят, но у меня

крепкая память, да и ноги. Поэтому не посчитайте меня невеждой, когда я выскажу свое мнение о «Робинзоне Крузо». Книги, равной ей, не было написано до нее и никогда не будет написано после. Я возвращался к ней годами (в основном в сочетании с трубкой хорошего табаку), и она стала моим добрым другом во всех трудностях этой земной юдоли. Когда у меня плохое настроение — «Робинзон Крузо». Когда мне нужен совет — «Робинзон Крузо». Раньше, когда меня изводила жена, и сейчас, когда я позволяю себе капельку лишнего, — «Робинзон Крузо». Я зачитал до дыр шесть служивших мне верой и правдой «Робинзонов Крузо». В последний день рождения моей хозяйки она подарила мне седьмого. На радостях я позволил себе капельку лишнего, и «Робинзон Крузо» снова наставил меня на путь истинный. Цена четыре шиллинга шесть пенсов, синяя обложка и картинка в придачу.

Но все это не очень-то похоже на начало рассказа об алмазе, правда? Кажется, я ухожу в сторону в поисках бог знает чего. Если позволите, возьмем новый лист бумаги и начнем сызнова, с моим глубочайшим почтением к вам.

Глава II

Пару строчек назад я упоминал о своей хозяйке. Так вот, алмаз никогда не попал бы в наш дом, где он и пропал, если бы его не подарили дочери хозяйки, а дочь хозяйки никогда бы не существовала, если бы хозяйка с болью и трудом не произвела ее на свет. Следовательно, если начинать с хозяйки, то придется вернуться довольно далеко в прошлое.

Если вы хоть немного знаете высший свет, вам наверняка приходилось слышать о трех красавицах Гернкастл: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии. Последняя из них — самая младшая и самая красивая из сестер, на мой взгляд, а у меня была возможность составить на сей счет свое мнение, в чем вы скоро убедитесь. Я поступил на службу к старому лорду, их отцу (слава богу, хоть он не имеет никакого отношения к этому алмазу — я на своем веку не встречал более разговорчивого и более вспыльчивого человека). Так вот, я в пятнадцать лет поступил на службу к старому лорду пажом, чтобы прислуживать трем благородным юным леди. Я жил там, пока мисс Джулия не вышла за ныне покойного сэра Джона Вериндера. Это был прекрасный человек, который только хотел, чтобы кто-нибудь им управлял, и, между нами, он своего добился. Более того, он радовался этому, благоденствовал и жил счастливо с того дня, когда моя хозяйка повезла его в церковь венчаться, до того дня, когда она проводила его в мир иной и закрыла его глаза навеки.

Забыл упомянуть, что вместе с новобрачной я поселился в доме и в поместье ее мужа.

— Сэр Джон, — говорила она, — я не могу без Габриеля Беттереджа.

— Миледи, — отвечал он, — я тоже не могу без него.

Так он отвечал ей всегда, и так я попал к нему на службу. Мне было все равно, куда ехать, лишь бы оставаться при хозяйке.

Видя, что она интересуется хозяйством, фермами и тому подобным, я тоже ими заинтересовался, и не в последнюю очередь еще потому, что сам я был седьмым сыном мелкого фермера. Миледи назначила

меня помощником управляющего имением, я старался, хозяев не разочаровал и получил повышение. Спустя несколько лет, кажется, в понедельник дело было, миледи заявляет:

— Сэр Джон, ваш управляющий — старый болван. Дайте ему щедрую пенсию, а на его место назначьте Габриеля Беттереджа.

Наверное, во вторник сэр Джон говорит:

— Миледи, мой управляющий получил щедрую пенсию, и Габриель Беттередж теперь занимает его место.

Часто можно слышать рассказы о несчастливой жизни в браке, но вот пример противоположного. Пусть это станет предупреждением для одних и поощрением для других. Я же тем временем продолжу рассказ.

Вот вы скажете, что я катался как сыр в масле. Хорошее, почетное место, свой коттедж, утром обходы имения, днем счета, утром «Робинзон Крузо» и трубка — что еще нужно для счастья? Вспомните, чего возжелал Адам в одиночестве Эдемского сада, и если вы не вините его, то не вините и меня.

Мне приглянулась женщина, которая вела хозяйство в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. В вопросе, касающемся выбора жены, я согласен с покойным Уильямом Коббетом. Убедитесь, что она хорошо пережевывает пищу и имеет твердую походку, — не прогадаете. Селина Гоби была наделена обоими этими достоинствами, что было первой причиной жениться на ней. Имелась и вторая причина: мое собственное открытие. Незамужняя Селина требовала содержания и еженедельной платы за услуги. Селина в качестве моей жены не могла бы требовать от меня денег на содержание, а услуги оказывала бы бесплатно. Так я и смотрел на это. Экономия и чуточку любви. Хозяйке я изложил это так же, как излагал себе.

— Я тут подумывал о Селине Гоби, — сказал я, — и мне кажется, миледи, будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее.

Миледи рассмеялась и сказала, что не знает, чему поражаться больше: моим выражениям или моим принципам. Я думаю, ей это показалось шуткой, которую вы не поймете, если вы сами не знатная особа. Сам я понял только то, что теперь могу идти с этим к Селине. Я и пошел. Что же сказала Селина? Боже, как же плохо вы знаете женщин, если спрашиваете! Конечно же, она сказала «да».

Время свадьбы приближалось, и, когда уже заговорили о том, что мне нужен новый фрак, я начал немного волноваться. Сравнив рассказы других мужчин о том, что они чувствовали, когда находились в таком же положении, я обнаружил, что примерно за неделю до свадьбы у каждого возникало тайное желание все отменить. Я пошел чуточку дальше и попытался все отменить. Не просто так, конечно! Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что она отпустит меня просто так. Если мужчина все отменяет, он обязан вознаградить женщину — так гласят английские законы. Повинуясь закону и все тщательно обдумав, я предложил Селине Гоби пуховую перину и пятьдесят шиллингов за отмену свадьбы. Вы не поверите, но это правда: она была настолько глупа, что отказалась.

Само собой, после этого для меня все было кончено. Я купил новый фрак, самый дешевый, и все остальное сделал так же дешево. Мы не были счастливой парой и не были несчастной парой. Мы были и того, и того поровну. Как такое возможно, я не понимаю, но мы все время, сами того не желая, шли друг другу наперекор. Допустим, когда я хотел подняться по лестнице, жене непременно нужно было спуститься, или, когда жена спускалась, я обязательно шел ей навстречу. Такова семейная жизнь, насколько я успел ее узнать.

После пяти лет недоразумений на лестнице мудрому провидению было угодно избавить нас друг от друга, забрав мою жену. Я остался один с ребенком, моей малышкой Пенелопой. Вскоре после этого умер сэр Джон, и миледи осталась одна со своей малышкой мисс Рейчел. Неважно я описал миледи, если вам нужно объяснять, что маленькая Пенелопа воспитывалась под присмотром моей доброй хозяйки. Она была отдана в школу, получила образование, поумнела и, когда позволил возраст, стала горничной мисс Рейчел.

Что до меня, так я продолжал выполнять обязанности управляющего до Рождества 1847 года, когда в моей жизни произошла перемена. В тот день миледи зашла ко мне в коттедж на чашку чая. Она заметила, что, если начинать отсчет с того года, когда я, еще во времена старого лорда, поступил к ним пажом, я служу при ней уже больше пятидесяти лет, и вручила мне прекрасный шерстяной жилет, который сама связала, чтобы я не мерз в холодную зимнюю погоду.

Получив такой изумительный подарок, я даже не нашел слов, чтобы отблагодарить хозяйку за оказанную мне честь. Однако, к моему

великому изумлению, жилет этот оказался не честью, а взяткой. Миледи раньше меня обнаружила, что я старею, и пришла в мой коттедж, чтобы улестить меня (если так можно выразиться) оставить тяжелую работу управляющего и провести остаток дней в доме на должности дворецкого. Я с негодованием воспринял предложение уйти на покой и противился как мог, но хозяйка хорошо знала мои слабые места. Она представила все так, будто этим я сделаю одолжение ей. На этом наш спор завершился, и я, как старый дурак, вытирая слезы своим новым шерстяным жилетом, сказал, что подумаю.

После того как миледи ушла, я стал думать, но в голове у меня началась ужасная каша, и мне пришлось прибегнуть к лекарству, которое до сих пор помогало мне справляться с сомнениями и неожиданностями. Я закурил трубку и взялся за «Робинзона Крузо». Не успел я посвятить этой невероятной книге и пяти минут, как дошел до такого утешительного места на странице сто пятьдесят восемь: «Сегодня мы любим то, что завтра будем ненавидеть». И тут я совершенно отчетливо увидел свой дальнейший путь. Сегодня я всей душой стремился сохранить должность управляющего имением, но завтра, если верить «Робинзону Крузо», я буду настроен иначе. Нужно дожидаться завтра, принять решение в завтрашнем настроении — и дело в шляпе. Почувствовав значительное облегчение, я лег спать управляющим имением леди Вериндер, а на следующее утро проснулся ее дворецким. Перемена не доставила мне никаких неудобств, и все благодаря «Робинзону Крузо»!

Моя дочь Пенелопа только что заглянула мне через плечо — проверить, что я успел сделать. Отметила, что написано прекрасно и каждое слово — правда. Но у нее есть одно замечание. Она говорит, что я пишу совсем не то, чего от меня ждут. Меня попросили изложить историю алмаза, а вместо этого я рассказываю о себе. Забавно, и я даже не знаю, как это объяснить. Интересно, а те господа, которые написанием книг зарабатывают на жизнь, тоже иногда начинают писать про себя вместо своей темы, как я? Если да, то я их понимаю. Однако вот вам очередной отход и бесцельный расход хорошей бумаги. Что же теперь делать? Не знаю, могу только предложить вам смириться, а себе — начать все сначала в третий раз.

Глава III

Вопрос о том, как правильно начать повествование, я попытался решить двумя способами. Во-первых, я почесал голову, но это не принесло ответа, а во-вторых, посоветовался с дочерью Пенелопой, которая подала мне совершенно новую мысль.

Как считает Пенелопа, мне стоит описывать то, что происходило, последовательно, день за днем, начиная с того дня, когда мы узнали, что наш дом собирается посетить мистер Франклин Блейк. Просто удивительно, как память подбирает нужные события, когда возникает необходимость остановиться на какой-то дате. Единственная сложность заключается в том, чтобы восстановить даты. С этим Пенелопа обещает помочь, сверившись со своим дневником, который ее научили вести, когда она училась в школе, и который она с тех пор непрерывно ведет. В ответ на мое предложение ей самой написать этот рассказ вместо меня, пользуясь дневником, Пенелопа вспыхнула, гневно сверкнув глазами, и заявила, что ее дневник предназначен исключительно для нее и что ни одно живое существо, кроме нее самой, никогда не узнает, что в нем. Когда я поинтересовался, что это означает, Пенелопа ответила: «Ничего». Моя умница!

Итак, приступая к работе по плану Пенелопы, хочу упомянуть, что в среду утром я был вызван в гостиную миледи, и было это двадцать четвертого мая одна тысяча восемьсот сорок восьмого года.

— Габриель, — сказала она, — у меня есть новость, которая вас удивит. Франклин Блейк вернулся из-за границы. Он гостит у отца в Лондоне и завтра приезжает к нам. Он пробудет здесь до следующего месяца и проведет у нас день рождения Рейчел.

Будь у меня в руках шляпа, одно лишь почтение удержало бы меня от того, чтобы подбросить ее до потолка. В последний раз я видел мистера Франклина, когда он был еще мальчишкой и жил с нами. Это был во всех отношениях (насколько я помню) милейший мальчик, который когда-либо запускал волчок или разбивал окно. Мисс Рейчел, которая присутствовала при этом разговоре и которой я адресовал это замечание, в ответ заметила, что она помнит его свирепейшим из

мучителей кукол и грубейшим из водителей уставших маленьких девочек на поводке, которых когда-либо рождала Англия. «Я горю от возмущения и умираю от усталости, когда думаю о Франклине Блейке», — подытожила мисс Рейчел.

Услышав все вышесказанное, вы, разумеется, спросите: как вышло, что мистер Франклин провел годы взросления не на родине? Ответу: дело в том, что его отец имел несчастье быть ближайшим наследником герцогского титула и не мог этого доказать.

Если в двух словах, вот как это вышло.

Старшая сестра моей хозяйки вышла за славного мистера Блейка, в равной степени знаменитого своим богатством и судебной тяжбой с герцогом. Сколько лет он надоедал судам в своей стране, требуя изгнать герцога и передать титул ему, сколько адвокатских кошельков он набил, скольких невинных людей столкнул лбами, заставив спорить о том, прав он или нет, я даже не могу подсчитать. Его жена умерла, умерли двое из его троих детей, прежде чем суды наконец решили указать ему на дверь и отказались брать его деньги. Когда все было кончено и герцог остался герцогом, мистер Блейк осознал, что единственным способом расквитаться со страной за то, как она с ним обошлась, было не предоставить этой стране чести заниматься образованием его сына. Свои мысли он облек в такую форму: «Могу ли я доверять своим родным ведомствам после того, как мои родные ведомства повели себя со мной?» Добавьте к этому, что мистер Блейк вообще недолюбливал мальчиков, включая собственного, и вы согласитесь, что все это могло закончиться только одним.

Мистер Франклин был увезен из Англии и отправлен в заведение, которому его отец мог доверять, в такой замечательной стране, как Германия. Заметьте, что сам мистер Блейк при этом спокойно остался в Англии трудиться на благо соотечественников в парламенте и писать отчет о деле герцога, который до сегодняшнего дня остается незавершенным.

Наконец-то! Слава богу, я это рассказал, и теперь ни вам, ни мне не нужно больше забивать голову мистером Блейком-старшим. Оставим ему битву за герцогский титул, а сами займемся алмазом.

Алмаз возвращает нас к мистеру Франклину, благодаря которому несчастливый камень появился в нашем доме.

Наш славный мальчик, оказавшись за границей, не забыл нас. Время от времени от него приходили письма, иногда миледи, иногда мисс Рейчел, а иногда и мне. Перед отъездом он взял у меня займы моток лески, нож с четырьмя лезвиями и семь шиллингов шесть пенсов, которых я с тех пор не видел и уже не надеюсь увидеть. В письмах ко мне в основном говорилось о том, чтобы занять у меня еще, но от миледи я узнавал, как он живет за границей, став взрослым. Познав все, чему могли научить его немецкие университеты, он отправился к французам, а после них к итальянцам. Они, как представлялось мне, сделали из него универсального гения: он немного писал, немного рисовал, немного пел, играл и сочинял... подозреваю, беря при этом займы так же, как у меня. Состояние его матери (семьсот фунтов годовых) обрушилось на него, когда он достиг совершеннолетия, и прошло сквозь него, как сквозь решето. Чем больше денег он получал, тем больше ему было нужно. В кармане мистера Франклина была дыра, которую ничто не могло зашить. Куда бы он ни приезжал, его веселость и беспечность обеспечивали ему радушный прием. Жил Франклин там и сям, а адрес свой он любил указывать таким образом: «Европа, до востребования». Дважды он решал вернуться в Англию повидаться с нами, и дважды, не при вас будет сказано, какая-нибудь женщина вставала у него на пути и останавливала его. Третья попытка, как вы уже знаете со слов миледи, оказалась успешной. В четверг двадцать пятого мая мы должны были впервые узреть, в какого мужчину превратился наш милый мальчик. Он имел мужественный характер, был хорошего происхождения и, по нашим подсчетам, двадцати пяти лет от роду. Теперь вы знаете о мистере ФранкLINE Блейке столько же, сколько знал я до того, как этот почтенный господин оказался в нашем доме.

В четверг стояла чудесная солнечная погода, миледи и мисс Рейчел, не ожидая мистера Франклина до ужина, отправились на обед к каким-то живущим по соседству друзьям. Когда они уехали, я пошел осмотреть спальню, приготовленную для гостя, и нареканий у меня не возникло. Затем, будучи не только дворецким, но и экономом (по собственной просьбе, заметьте, поскольку мне было неприятно, чтобы кто-нибудь кроме меня мог распоряжаться ключом от погреба покойного мистера сэра Джона), я взял бутылку нашего знаменитого кларета «Латур» и вынес ее на теплое летнее солнышко, чтобы

напиток прогрелся до ужина. Вознамерившись и себя подставить теплему летнему солнышку — то, что хорошо для старого кларета, хорошо и для стариковского тела, — я взял плетеный стул и вышел на задний двор, но там меня остановил звук, похожий на приглушенный барабанный бой, который доносился с террасы, расположенной перед комнатами миледи.

Я вышел на террасу и увидел стоявших лицом к дому трех коричневых индусов в белых льняных блузах и штанах.

Присмотревшись, я заметил, что на шее у них болтаются маленькие барабанчики. Позади них стоял маленький, худенький белобрысый английский мальчик, державший в руках мешок. Я решил, что это бродячие фокусники, а в мешке у мальчика необходимая для их ремесла утварь. Один из индусов, говоривший по-английски и, надо признать, обладавший лучшими манерами, дал мне понять, что я не ошибся. Он попросил разрешения показать фокусы в присутствии хозяйки дома.

Я не пакостный старикашка, люблю весело провести время и меньше чем кто бы то ни было склонен не доверять кому-то только из-за того, что его кожа на несколько оттенков темнее моей. Но даже лучшие из нас имеют свои слабости, а моя слабость такова: когда я знаю, что корзинка с фамильным серебром стоит на столике в буфете, она сразу вспоминается мне, если я вижу бродячего незнакомца с манерами лучше, чем у меня. Разумеется, я сообщил индусу, что хозяйки нет дома, и попросил его вместе с приятелями уйти. В ответ он отвесил красивый поклон, и они ушли. Я же вернулся к креслу, расположился на солнечной стороне двора и не то чтобы заснул, но, признаться, был очень близок к этому.

Проснулся я оттого, что моя дочь Пенелопа подбежала ко мне так, словно в доме начался пожар. Что, вы думаете, она хотела? Она хотела, чтобы трех индийских фокусников немедленно задержали по той причине, что они, дескать, знают, кто к нам приезжает из Лондона, и замышляют что-то недоброе против мистера Франклина Блейка.

Имя мистера Франклина пробудило меня, я открыл глаза и попросил дочь пояснить, что она имеет в виду.

Как оказалось, Пенелопа только что вернулась из сторожки нашего привратника, где делилась слухами с его дочерью. Девушки увидели индусов с мальчиком, уходящих после разговора со мной. Вообразив,

будто с мальчиком дурно обращаются — даже не знаю, почему они так подумали, разве только потому, что он был таким красивым и худеньким, — девушки прокрались вдоль зеленой изгороди между нами и дорогой и проследили за действиями иностранцев. А действия их были странными.

Сначала они осмотрелись по сторонам и убедились, что на дороге кроме них никого нет. Потом троица развернулась и какое-то время внимательно присматривалась к дому. После этого они стали громко лопотать и спорить на своем языке, глядя друг на друга с некоторым сомнением. Затем они все повернулись к своему английскому мальчику, как будто ждали, что он им поможет, и главный индус, тот, который говорил по-английски, сказал: «Протяни руку».

Дойдя до этих жутких слов, моя дочь Пенелопа сказала, что не знает, как у нее сердце не выскочило из груди. У меня возникла мысль, что ей помешал корсет, но вслух я только произнес: «Какой ужас! Прямо мороз по коже!» (Nota bene: женщины любят такие фразочки.)

Так вот, когда индус сказал «протяни руку», мальчик отшатнулся, покачал головой и сказал, что не хочет. Тогда индус самым приятным тоном поинтересовался, хочет ли он, чтобы его отправили обратно в Лондон и оставили там, где они нашли его, спящего в корзине на рынке, голодного, оборванного, всеми забытого. Это, похоже, закрыло вопрос. Малыш неохотно протянул руку, индус достал из-за пазухи бутылочку и налил из нее ему на ладонь какое-то черное вещество, похожее на чернила. Прикоснувшись к голове мальчика и поведив над ней руками, индус сказал: «Смотри». Мальчик замер и стоял неподвижно, как статуя, глядя на чернила в пригоршне.

Пока что мне все это казалось обычным фокусом, приправленным бесцельной тратой чернил, и на меня снова накатила дремота, но следующие слова Пенелопы заставили меня встрепенуться.

Индусы снова посмотрели по сторонам, и главный из них сказал мальчику:

— Узри английского джентльмена из чужих краев.

Мальчик промолвил:

— Вижу его.

Индус спросил:

— По этой дороге к дому или какой-либо другой английский джентльмен будет идти сегодня?

Мальчик промолвил:

— По этой дороге к дому, а не по какой-либо другой, английский джентльмен будет идти сегодня.

Индус, немного помолчав, задал второй вопрос:

— У английского джентльмена *это* с собой?

Мальчик ответил, тоже немного помолчав:

— Да.

Индус задал третий и последний вопрос:

— Английский джентльмен придет сюда, как и обещал, в конце дня?

Мальчик промолвил:

— Не знаю.

Индус поинтересовался почему.

Мальчик сказал:

— Я устал. У меня в голове поднимается туман и мешает мне видеть. Сегодня я больше ничего не увижу.

На этом опрос закончился. Главный индус сказал что-то на своем языке двоим товарищам, указав сначала на мальчика, а потом в сторону города, в котором, как мы потом узнали, они снимали комнаты. Затем, снова поведив руками над головой мальчика, дунул ему на лоб, и тот, вздрогнув, очнулся. После этого они двинулись по дороге к городу, и девушки больше их не видели.

Говорят, во всем можно найти смысл. Каким же был смысл сказанного?

Я подумал, что, во-первых, главный фокусник где-то случайно услышал разговор слуг, обсуждавших прибытие мистера Франклина, и решил, что сможет на этом заработать немного денег. Во-вторых, что он со своими людьми и мальчонкой собирался околачиваться где-то неподалеку от дома, дожидаться возвращения миледи, чтобы потом прийти к ней и поразить чудесным предсказанием приезда мистера Франклина. В-третьих, что Пенелопа видела, как они репетировали свою уловку, как актеры репетируют спектакль. В-четвертых, что в тот вечер мне бы стоило присматривать за корзинкой с серебром. В-пятых, Пенелопе стоило бы остыть и оставить меня, своего отца, еще подремать на солнышке.

Мне это представлялось вполне разумным решением. Но, если вы хоть чуть-чуть знаете молодых женщин, то не удивитесь, когда я

скажу, что Пенелопа не согласилась со мной. По словам дочери, смысл всего этого был очень серьезным. Она напомнила мне второй вопрос индуса: «У английского джентльмена *это* с собой?»

— Ах, отец, — воскликнула Пенелопа, всплеснув руками. — Не шутите! Что означает «это»?

— Спросим у мистера Франклина, моя дорогая, — ответил я. — Если ты сможешь дождаться его приезда. — Я подмигнул, давая понять, что говорю это в шутку, но Пенелопа восприняла мои слова очень серьезно. Меня позабавила искренность моей девочки. — Но что может мистер Франклин знать об этом? — осведомился я.

— Спросим его, — сказала Пенелопа, — и посмотрим, покажется ли это таким уж смешным *ему*. — Выпустив этот последний заряд, дочь оставила меня.

Когда она ушла, я решил, что действительно поговорю с мистером Франклином, главным образом для того, чтобы успокоить Пенелопу. Что было сказано во время этого разговора, состоявшегося позже в тот же день, я подробно изложу в соответствующем месте. Но, поскольку я не хочу сначала возбуждать ваше любопытство, а потом разочаровывать, позволю себе сразу вас предупредить, что в нашем разговоре о фокусниках вы не найдете даже намека на шутку. К моему величайшему удивлению, мистер Франклин, так же, как Пенелопа, отнесся к этому серьезно. Насколько серьезно, вы поймете, когда я скажу, что, по его мнению, «это» означало Лунный камень.

Глава IV

Мне, право, неловко оттого, что я занимаю ваше внимание своей персоной и моим плетеным стулом. Я же понимаю, сонный старик на солнечном дворе — не самая интересная тема для рассказа. Но события должно излагать в той последовательности, в которой они происходили, так что вам придется потерпеть еще немного со мной в ожидании приезда мистера Франклина Блейка.

После того как моя дочь Пенелопа покинула меня, не успел я снова погрузиться в дрему, как меня потревожил звон посуды в людской, означавший, что обед готов. Я обедаю в своей гостиной, поэтому дела до их обеда мне не было, и я мог только пожелать им всем хорошего аппетита и снова уюститься на своем стуле. Я как раз вытянул ноги, когда ко мне приблизилась другая женщина. Не моя дочь, а всего лишь Нэнси, судомойка. Я находился прямо у нее на дороге и, когда она попросила меня пропустить ее, заметил, что у нее кислое выражение лица, на что я как старший над слугами принципиально не мог не обратить внимания.

— Почему вы убежали с обеда? — спросил я. — Что опять случилось, Нэнси?

Нэнси попыталась пройти мимо меня, не отвечая, тогда я встал и взял ее за ухо. Она — славная юная пышка, и я таким образом обычно показываю свое расположение к девицам.

— Что опять случилось? — повторил я.

— Розанна снова опаздывает к обеду, — сказала Нэнси. — И меня послали ее привести. В этом доме вся самая тяжелая работа падает на мои плечи. Оставьте меня, мистер Беттередж!

Особа, упомянутая здесь как Розанна, была нашей второй горничной. Питая нечто наподобие сострадания к нашей второй горничной (почему — скоро узнаете) и видя по лицу Нэнси, что в разговоре со своей сослуживицей она собирается употребить бранных слов несколько больше, чем требуется в данных обстоятельствах, я вдруг подумал, что мне особо нечем заняться и я мог бы сам привести

Розанну, намекнув ей, что в будущем надо быть пунктуальнее. Я знал, что от *меня* она этот совет примет с благодарностью.

— Где Розанна? — спросил я.

— На песках, конечно, — ответила Нэнси, мотнув головой. — Сегодня утром у нее в очередной раз голова закружилась, и она попросилась сходить подышать воздухом. Как же она мне надоела!

— Возвращайся к обеду, девочка моя, — сказал я. — Мне она не надоела, так что я сам приведу ее.

Лицо Нэнси, наделенной хорошим аппетитом, просветлело. Когда Нэнси довольна, на нее приятно посмотреть. А когда на нее приятно посмотреть, я щелкаю ее по подбородку пальцем. И в этом нет ничего безнравственного, просто у меня такая привычка.

Я взял трость и отправился на пески.

Нет, вот так сразу вести вас на пески нельзя. Мне стыдно, что я вас снова задерживаю, но вам просто необходимо сперва узнать историю песков и Розанны по той причине, что исчезновение алмаза имеет к ним обоим самое непосредственное отношение. Как же я стараюсь вести повествование, не отвлекаясь, и как плохо у меня получается! Но послушайте, люди и вещи имеют обыкновение появляться в нашей жизни непредсказуемо и, можно даже сказать, напрашиваются на то, чтобы быть замеченными. Отнесемся к этому спокойно и будем кратки; скоро мы окажемся в самой гуще загадки, обещаю!

Розанна (если говорить о человеке прежде, чем о вещи, чего требует обычная вежливость) была единственной служанкой в доме, взятой на службу недавно. Где-то за четыре месяца до описываемых мной событий миледи, пожелав спасти недавно вышедших из тюрьмы падших женщин от возвращения на дорогу преступности, побывала в Лондоне в одном исправительном заведении. Смотрительница, видя интерес миледи к этому заведению, указала ей на одну девицу по имени Розанна Спирман и рассказала ей историю до того душещипательную, что я не осмелюсь здесь ее повторить, ибо не хочу волновать себя, да и вас, без нужды. Если коротко, то Розанна Спирман промышляла воровством, но, поскольку она была не из тех воров, которые создают целые компании в Сити и обворовывают тысячи, а из тех, что обкрадывают кого-то одного, правосудие настигло ее, после чего последовали тюрьма и исправительное заведение. Смотрительница, невзирая на прошлое Розанны, считала ее

редкостной души человеком, который только и ждет возможности доказать, что она достойна сердечного участия любой доброй христианки. Миледи, будучи такой доброй христианкой, каких мало, ответила на это смотрительнице: «У Розанны Спирман будет возможность доказать это у меня на службе». Спустя неделю Розанна Спирман поступила в наш дом второй горничной.

Ни одной живой душе не была рассказана история девушки, кроме Рейчел и меня. Миледи оказывала мне честь, советуясь со мной по разным вопросам. Поговорили мы и о Розанне. В последнее время я перенял привычку покойного сэра Джона во всем соглашаться с миледи и горячо поддержал хозяйку относительно Розанны Спирман.

Нашей бедной девице не могло повезти больше. Никто из слуг не мог попрекнуть ее прошлой жизнью, поскольку никто не знал, как она жила раньше. Она получала жалованье и пользовалась преимуществами наравне с остальной дворней, да еще миледи иногда потихоньку подбадривала ее добрым словом. В ответ она, должен сказать, показала себя вполне заслуживающей доброго к себе отношения. Не обладая физической силой и будучи подверженной упомянутым выше приступам головокружения, она старательно взялась за работу, не жаловалась, обязанности свои исполняла аккуратно и четко. Вот только у нее не получилось подружиться ни с кем из служанок, кроме моей дочери Пенелопы, которая всегда была добра к Розанне, хоть особенно и не сближалась с ней.

Я даже не представляю, чем девушка могла вызвать недовольство. Красавицей ее не назовешь, значит, зависти она не вызывала. Напротив, Розанна была самой некрасивой девушкой в доме, к тому же ей не повезло: у нее одно плечо выше другого. Мне кажется, остальным слугам пришлось не по нраву ее молчаливость и замкнутость. Она читала или работала даже в часы досуга, когда остальные сплетничали, а когда наступала ее очередь отдыхать, в девяти случаях из десяти она молча надевала шляпку и шла гулять в одиночестве. Она никогда ни с кем не ссорилась, ни на кого не обижалась, просто настойчиво и вежливо держалась обособленно от остальных. Добавьте, что при ее некрасивости в ней было что-то, напоминавшее не служанку, а леди. Возможно, это ее голос, возможно, черты лица, — могу только сказать, что остальные женщины

подметили это, как только она переступила порог дома, и сразу же заявили (совершенно несправедливо), что Розанна Спирман зазнайка.

Рассказав историю Розанны, я должен еще обратить ваше внимание на одну из многочисленных странностей этой необычной девушки и уж после этого перейду к истории песков.

Наш дом стоит высоко на йоркширском берегу, рядом с морем, и окружен со всех сторон чудесными тропинками для прогулок, ведущими во все направления, кроме одного. Это направление я считаю ужасным. Сперва идешь четверть мили через унылые заросли сосны, а потом выходишь между двух утесов к бухте — более уродливой и уединенной не сыскать на всем нашем взморье.

Песчаные склоны спускаются к самому морю и упираются в две остроконечные скалы, торчащие в разные стороны. Одна из них называется Северная, вторая — Южная. Между ними находится участок Зыбучих песков, одних из самых страшных на всем йоркширском побережье, который перемещается то в одну сторону, то в другую, в зависимости от времени года. Когда прилив сменяется отливом и наоборот, что-то происходит в невиданных песочных глубинах, отчего вся поверхность плавуна начинает самым удивительным образом содрогаться. Местные жители так и прозвали это явление — Зыбучие пески. В полумиле отсюда, у края бухты, большая отмель глушит силу океана, наступающего извне. Зимой и летом, когда вода достигает Зыбучих песков, море, оставив свои волны на отмели, мягко катится вперед, то вздымаясь, то опускаясь, словно дыша, и покрывает опасное место в полной тишине. Поистине страшное зрелище. Лодки не заплывают в эту бухту, дети из нашей рыбацкой деревеньки под названием Коббс-Хоул не приходят сюда играть, и мне порой кажется, что даже птицы как будто облетают стороной Зыбучие пески. Чтобы молодая женщина, имевшая возможность выбрать десятки других приятных прогулок и всегда найти спутников, для чего ей достаточно было сказать: «Пойдемте!», предпочла именно это место и в свободное время приходила сюда поработать или почитать в одиночестве, уверяю вас, это совершенно невероятно. И все же, хотите верьте, хотите нет, Розанна всегда именно здесь любила гулять, разве что пару раз ходила в Коббс-Хоул повидаться со своим единственным другом в этих краях, о котором позже. Так же верно и то, что я в тот день пошел в то же место, чтобы

привести девицу на обед, и это благополучно возвращает нас к главной теме и снова направляет в сторону песков.

В сосновой роще следов девушки я не нашел. Выйдя на песчаные склоны, я увидел ее в соломенной шляпке и простом сером плаще, который она носила, чтобы по возможности скрыть уродство плеча. Она стояла одна на берегу, устремив взгляд на Зыбучие пески и море.

Когда я подошел, она вздрогнула и отвернулась от меня. Я как главный над слугами, если мне не смотрят в лицо, всегда стараюсь узнать причину. Я повернул ее к себе и увидел, что она плачет. У меня в кармане очень кстати оказался большой носовой платок, один из шести красавцев, подаренных мне миледи. Я достал его и обратился к Розанне:

— Милая, давай пойдем присядем на берегу. Я вытру твои слезы, а потом не побоюсь спросить, из-за чего ты плакала.

Когда вы доживете до моих лет, вы поймете, что усаживание на берегу может быть более долгим занятием, чем вам кажется сейчас. К тому времени, когда я уселся, Розанна уже успела вытереть слезы собственным платком, который был гораздо хуже моего — из дешевого батиста. Она казалась очень спокойной и очень несчастной, но, когда я позвал, послушно села рядом со мной. Если вы хотите утешить женщину, посадите ее себе на колени. Я вспомнил об этом золотом правиле, но Розанна не Нэнси — вот в чем дело!

— Теперь, милая моя, скажи, почему ты плачешь? — спросил я.

— О прошедших годах, мистер Беттередж, — тихо ответила Розанна. — Моя прошлая жизнь порой еще возвращается ко мне.

— Ну, будет, будет, девочка моя, — сказал я. — Почему же ты не можешь забыть о ней?

Она взялась за лацкан моего сюртука. Я довольно неопрятный старик, и когда ем или пью, то часто пачкаю одежду. Время от времени кто-то из женщин вычищает на моей одежде пятна жира. За день до этого Розанна вывела одно пятно у меня с лацкана с помощью какого-то нового средства, которое уничтожает всевозможные загрязнения. Жир исчез, но на его месте осталось темное пятнышко. Девушка указала на него и покачала головой.

— Пятно ушло, — сказала она, — но место видно, мистер Беттередж... Место видно!

На подобное замечание, сделанное человеку о его собственном сюртуке, не так-то просто ответить. Что-то в самой девушке заставило меня почувствовать острую жалость к ней. У нее были красивые карие глаза, такие же ясные и чистые, как она вся. И она посмотрела на меня с уважением к моей счастливой старости, к моему доброму характеру, и мое сердце налилось жалостью к нашей второй горничной. Я почувствовал, что не смогу ее утешить. Оставалось одно... Отвести ее на обед.

— Помоги-ка мне подняться, — сказал я. — Ты опаздываешь к обеду, Розанна... И я пришел тебя позвать.

— Вы, мистер Беттередж? — удивилась она.

— Они послали за тобой Нэнси, — ответил я. — Но я решил, что тебе будет приятнее получить нагоняй от меня, дорогуща.

Вместо того чтобы помочь мне подняться, бедняжка вложила свою ладонь мне в руку и легонько ее пожалала. Она очень старалась не заплакать снова и сдержалась, чем вызвала у меня уважение.

— Вы очень добры, мистер Беттередж, — сказала она. — Сегодня я не хочу обедать. Позвольте мне еще побыть здесь немного.

— Что тебе здесь нравится? — полюбопытствовал я. — Почему тебя тянет в это печальное место?

— Что-то влечет меня сюда. — Девушка водила пальцем по песку. — Я стараюсь держаться подальше, но не могу. Иногда, — продолжила она вполголоса, как будто страхась собственного воображения, — иногда, мистер Беттередж, мне кажется, что здесь меня ждет моя могила.

— Тебя ждет жареная баранина и пудинг на сале, — сказал я. — Отправляйся обедать. Вот что бывает, Розанна, когда думаешь на голодный желудок. — Говорил я строго, ибо меня возмущает (что неудивительно в моем-то возрасте), когда женщина двадцати пяти лет от роду говорит о своей скорой кончине.

Розанна, похоже, не услышала меня, она положила руку мне на плечо, удерживая меня на месте.

— Мне кажется, что это место меня околдовало, — сказала она. — Ночь за ночью оно снится мне, я думаю о нем, когда занимаюсь шитьем. Вы же знаете, что я благодарная, мистер Беттередж... Вы знаете, что я хочу быть достойной вашей доброты и доверия ко мне миледи. Но иногда я думаю, что жизнь здесь слишком спокойная и

хорошая для такой женщины, как я, после всего, через что я прошла, мистер Беттередж... После всего, через что я прошла... Я больше чувствую себя одинокой среди слуг, зная, что я не такая, как они, чем здесь. Миледи не знает, и смотрительница исправительного дома не знала, каким ужасным упреком служат обычные честные люди сами по себе для такой, как я. Не браните меня, добрый вы человек. Я ведь выполняю свою работу, правда? Пожалуйста, не говорите миледи, что я недовольна, потому что я всем довольна. Просто у меня иногда беспокойно на душе, вот и все. — Она отдернула руку от моего плеча и вдруг указала на Зыбучие пески. — Смотрите! — воскликнула она. — Разве это не чудесно? Разве это не ужасно? Я видела это тысячу раз, но каждый раз наблюдаю, словно впервые!

Я посмотрел, куда она указывала. Начался прилив, и жуткий песок пришел в движение. Сперва широкая коричневая полоса медленно вздыбилась, а потом пошла рябью и задрожала.

— Хотите знать, что это напоминает *мне*? — спросила Розанна, снова сжав мое плечо. — Мне кажется, это похоже на то, как будто там, под песком, задыхаются сотни людей... Все они отчаянно пытаются выбраться на поверхность, но только погружаются все глубже и глубже в страшную бездну. Бросьте туда камень, мистер Беттередж! Бросьте камень, пусть песок засосет его.

Что за нездоровые речи! Вот как пустой желудок сказывается на беспокойном разуме. Ответ мой — довольно резкий, но, поверьте, полезный для самой бедной девицы — уже готов был слететь с моего языка, как вдруг меня отвлек голос, долетевший из дюн и звавший меня. «Беттередж! — крикнул голос. — Где вы?» — «Здесь!» — закричал я в ответ, не зная, кто меня ищет. Розанна быстро встала на ноги и повернулась в ту сторону, откуда доносился голос. Я уже подумывал тоже подняться и встать рядом с ней, но меня остановила внезапная перемена, произошедшая с лицом девушки.

Лицо ее покрылось прекрасным румянцем, которого я никогда прежде у нее не видел, она вся засияла от безмолвного и радостного удивления.

— Кто это? — спросил я.

Розанна в ответ повторила мой вопрос.

— Ах, кто это? — тихо промолвила она скорее для себя, чем для меня.

Я, не вставая с песка, повернулся и посмотрел себе за спину. Выйдя из дюн, к нам приближался молодой человек с блестящими глазами, в прекрасном сером костюме, перчатках и шляпе того же цвета, в петлице у него краснела роза, на лице играла улыбка, которая могла заставить улыбнуться в ответ сами Зыбучие пески. Прежде чем я успел подняться на ноги, он плюхнулся рядом со мной на песок, обнял меня по иностранному обычаю, да так крепко, что из меня чуть дух не вылетел.

— Старина Беттередж! — сказал он. — Я должен вам семь шиллингов шесть пенсов. Ну что, теперь узнали меня?

Господи, спаси нас и помилуй! На целых четыре часа раньше, чем мы его ждали! Мистер Франклин Блейк!

Не успев вымолвить и слова, я заметил, что мистер Франклин в удивлении перевел взгляд с меня на Розанну. Я последовал его примеру и тоже посмотрел на девушку. На миг встретившись глазами с мистером Франклином, она покраснела еще гуще, а потом развернулась и поспешно покинула нас в смятении, совершенно для меня необъяснимом, не поздоровавшись с джентльменом, не сказав ни слова мне. Это было очень на нее не похоже, ибо более воспитанной и вежливой служанки вы не найдете.

— Какая странная девушка, — заметил мистер Франклин. — Интересно, что она во мне такого увидела?

— Полагаю, сэр, — ответил я в шутку, намекая на материковое образование нашего молодого джентльмена, — заграничный лоск.

Я привел здесь небрежный вопрос мистера Франклина и мой глупый ответ для утешения и ободрения всех глупцов, ибо, как я заметил, недалеким людям доставляет большое удовольствие видеть, что те, кто умнее их, тоже время от времени поступают не лучше, чем они. Ни мистеру Франклину с его чудесным заграничным образованием, ни мне с моим возрастом, опытом и врожденной смекалкой не пришло в голову, что на самом деле могло означать необъяснимое поведение Розанны Спирман. Мы забыли о ней, несчастной душе, еще до того, как ее серый плащ в последний раз мелькнул между дюн. «И что с того?» — конечно же, спросите вы. Читайте дальше, мой любезный друг, проявите терпение, и вы пожалеете Розанну Спирман так же, как пожалел ее я, когда узнал правду.

Глава V

Когда мы остались одни, первое, что я сделал, это предпринял третью попытку встать с песка. Мистер Франклин остановил меня.

— У этого ужасного места есть одно преимущество, — сказал он. — Оно полностью в нашем распоряжении. Не вставайте, Беттередж, я хочу вам кое-что сказать.

Пока он говорил, я смотрел на него, пытаюсь разглядеть в сидящем рядом со мною мужчине мальчика, которого я когда-то знал. Мужчина озадачил меня. Как я ни всматривался, румяных мальчишеских щек было видно не больше, чем коротенького мальчишеского сюртучка. Кожа его побледнела, нижняя часть лица, к моему удивлению и разочарованию, была покрыта курчавой каштановой бородой и усами. Он производил впечатление человека порывистого и темпераментного, весьма приятное, нужно сказать, однако в нем не осталось ничего от былой непринужденности. Хуже того, он обещал сделаться высоким и не сдержал обещания. Он был строен и хорошо сложен, но ему не хватало двух-трех дюймов до среднего роста. Короче говоря, он совершенно сбил меня с толку. Минувшие годы не оставили от его прежней личности и следа, кроме разве что ясного, прямого взгляда. В глазах его мне увиделся наш милый мальчик, и на этом я решил завершить исследование.

— Добро пожаловать в родные места, мистер Франклин, — сказал я. — Мне вас тем более радостно видеть, сэр, что вы приехали на несколько часов раньше, чем мы ждали.

— У меня была причина приехать раньше, чем вы меня ждали, — ответил мистер Франклин. — Я подозреваю, что в Лондоне за мной следили последних три-четыре дня, и я сел на утренний поезд, а не на дневной, для того чтобы отделаться от одного мрачного на вид незнакомца.

Эти слова очень удивили меня. Они мгновенно заставили меня вспомнить трех бродячих фокусников и убежденность Пенелопы в

том, что те задумали совершить что-то недоброе по отношению к мистеру Франклину Блейку.

— Кто за вами следил, сэр? И зачем? — поинтересовался я.

— Расскажите про трех индусов, которых вы встретили сегодня, — попросил мистер Франклин, не обратив внимания на мой вопрос. — Вполне возможно, Беттередж, что мой незнакомец и ваши индусы окажутся кусочками одной головоломки.

— Как вы узнали про фокусников, сэр? — спросил я, нагромождая вопрос на вопрос, что, признаю, было не очень-то вежливо. Но чего ожидать от бедной человеческой природы? Не ждите многого и от меня.

— Я встретился с Пенелопой в доме, и она мне рассказала, — пояснил мистер Франклин. — Ваша дочь, Беттередж, обещала стать очаровательной девушкой и стала ею. У Пенелопы небольшие уши и небольшие ступни. Покойная миссис Беттередж тоже обладала этими бесценными достоинствами?

— Покойная миссис Беттередж обладала множеством недостатков, сэр, — ответил я. — Одним из них, если позволите об этом упомянуть, было неумение заниматься чем-то серьезно. Она скорее походила на муху, чем на женщину, не могла ни на чем сосредоточиться.

— Мы бы с ней отлично поладили, — сказал мистер Франклин. — Я тоже все никак не могу ни на чем остановиться. Беттередж, вы стали еще остроумнее, чем прежде. Ваша дочь сказала то же самое, когда я ее расспрашивал про трех фокусников. «Отец вам все расскажет, сэр. Для своего возраста он чудесный человек и изумительный рассказчик», — так выразилась Пенелопа. При этом на щеках у нее проступил божественный румянец, и даже уважение, которое я испытываю к вам, не помешало мне... Впрочем, не важно. Я знал ее, когда она была ребенком, и от этого она не сделалась для меня хуже. Но давайте серьезно. Чем занимались эти фокусники?

Я был несколько недоволен дочерью. Не из-за того, что она позволила мистеру Франклину поцеловать себя — в этом ничего такого нет, — а из-за того, что заставила меня пересказывать эту глупую историю. Но делать было нечего, пришлось описывать все обстоятельства. Радость мистера Франклина скоро испарилась. Он слушал меня, хмуря брови и пощипывая бороду. Когда я закончил, он повторил два вопроса, заданных главарем фокусников мальчику, должно быть, для того, чтобы лучше их запомнить.

— «По этой дороге к дому или по какой-либо другой английский джентльмен будет идти сегодня?» «У английского джентльмена *это* с собой?» Я полагаю, — сказал мистер Франклин, доставая из кармана запечатанный бумажный конверт, — что «это» означает вот это. А «вот это», Беттередж, означает знаменитый алмаз моего дяди Гернкастла.

— О боже, сэр! — воскликнул я. — Как к вам попал алмаз этого нечестивца полковника?

— Этот нечестивец полковник в завещании указал, что алмаз должен быть подарен моей кузине Рейчел в день ее рождения, — ответил мистер Франклин. — И мой отец как душеприказчик нечестивца полковника поручил мне привезти его сюда.

Если бы море, которое в тот миг мягко шуршало по Зыбучим пескам, на моих глазах вдруг превратилось в сухую землю, вряд ли я изумился бы сильнее, чем услышав слова мистера Франклина.

— Полковник оставил алмаз мисс Рейчел! — воскликнул я. — И ваш отец, сэр, душеприказчик полковника? Я был готов держать пари на что угодно, что ваш батюшка, мистер Франклин, к полковнику и щипцами бы не притронулся.

— Сильно сказано, Беттередж. Что с полковником было не так? Это вы жили с ним в одно время, не я. Расскажите, что вам о нем известно, а я расскажу вам, как отец стал его душеприказчиком, и не только это. В Лондоне я кое-что узнал о дяде Гернкастле и его алмазе. Как по мне, это отвратительные вещи, и я хотел бы знать, подтвердите ли вы их. Только что вы назвали его «нечестивцем». Поройтесь в памяти, друг мой, и скажите — почему.

Я видел, что он искренен, поэтому рассказал.

Далее последует основная суть моего рассказа, записанная исключительно ради вас. Обратите на нее внимание, чтобы не оказаться в растерянности, когда мы углубимся в повествование. Выбросьте из головы детей, обед, новую шляпку, в общем, все постороннее. Попытайтесь, если получится, забыть про политику, лошадей, цены в Сити и клубные обиды. Надеюсь, вы правильно отнесетесь к этой моей вольности. Просто для меня это способ привлечь ваше, любезный читатель, внимание. Боже! Разве я не видел в ваших руках величайших авторов, разве не знаю я, как отвлекается внимание, когда этого просит книга, а не человек?

Чуть раньше я рассказывал об отце своей хозяйки, лорде с вспыльчивым характером и длинным языком. Всего у него было пятеро детей. Начал он с двух сыновей, потом, когда прошло довольно много времени, на его жену снова снизошла плодовитость, и настолько быстро, насколько позволяет природа вещей, одна за другой появились три леди — моя хозяйка, как уже отмечалось, была младшей и лучшей из них. Из двух сыновей старший, Артур, унаследовал титул и поместья. Второй, высокородный Джон, унаследовал от одного из родственников внушительное состояние и ушел в армию.

Говорят, скверная птица пачкает свое гнездо. Благородный род Гернкастлов я считаю своим гнездом и почту за милость, если мне будет позволено не вдаваться в подробности жизни высокородного Джона. Я искренне считаю его величайшим подлецом, когда-либо жившим на свете, ни больше ни меньше. Армейскую службу он начал с гвардейского полка и, когда ему еще не исполнилось двадцати двух, вынужден был уйти из гвардии — не спрашивайте почему. В армии строгие правила, а для высокородного Джона они оказались слишком строгими. Он отправился в Индию, чтобы проверить, насколько строги правила там, и попробовать себя в настоящем деле. Что касается отваги, нужно отдать ему должное, тут он был смесью бульдога, бойцового петуха и еще немного дикаря. Вскоре он перевелся в другой полк, а потом в еще один. В третьем полку он был произведен в чин полковника, получил солнечный удар и вернулся в Англию.

Вернулся он с такой репутацией, что перед ним закрылись двери всех родственников. Моя хозяйка (тогда только что вышедшая замуж) первая выступила против него и заявила (разумеется, с согласия сэра Джона), что ноги брата не будет ни в одном ее доме. Люди сторонились полковника по многим причинам, и на совести его было не одно пятно, но здесь я буду говорить только о том, которое оставил на ней алмаз.

Выше уже было сказано, что он завладел индийской драгоценностью путем, о котором впоследствии, несмотря на все свое бесстрашие, не осмеливался никому рассказывать. Продать ее он не пытался — нужды в деньгах он не испытывал, да и, нужно снова отдать ему должное, деньги не были для него главным. С камнем никогда не расставался, он даже не показал его ни одной живой душе. Одни говорили, что он боялся, как бы это не навлекло на него

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ